

Елена Кузнецова

Ах, мой милый Андерсен

маленький роман о вчерашней сказке



12+

Елена Кузнецова
Ах, мой милый Андерсен

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Кузнецова Е. Ю.

Ах, мой милый Андерсен / Е. Ю. Кузнецова — «ЛитРес:
Самиздат», 1998

ISBN 978-5-532-06339-6

Сегодня почти нет места для старых добрых сказок. Мы выросли и, кажется, научились без них обходиться. Но иногда что-то зашемит под сердцем при виде старой зачитанной книжки и захочется взять ее в руки. И открыть не для того, чтобы прочитать на ночь малышу, а вспомнить собственное детство. Всю свою долгую жизнь Андерсен прожил как ребенок, удивляясь всему, с чем его знакомил мир. Печали на его долю выпало предостаточно, но он научился находить радость во всем: в холодном дожде, засохшей горошине, сломанной иголке, оплавленном кусочке олова... И научил этому других. В любом предмете или явлении, с которыми его сталкивал быт, Ганс-Христиан прежде всего замечал свет и доброту.

ISBN 978-5-532-06339-6

© Кузнецова Е. Ю., 1998
© ЛитРес: Самиздат, 1998

Памяти Константина Георгиевича Паустовского

*... не мешает вести себя осторожнее:
которой напечатают нашу
как знать, может, и нам придется
когда-нибудь попасть в кучу тряпья и
превратиться в белую бумагу, на
собственную историю, и тогда
пойдешь разносить по белу свету
всю подноготную о самом себе. **

Г.-Х. Андерсен "Воротничок"

По черной воде плывет белая маска с лентой блестящей мишуры. Крупные дождевые капли изредка попадают в эту странную мишень. Маска зацепилась за лодочное весло и уставилась пустыми глазницами на невзрачное здание – бело-розовую гостиницу, которая местами потеряла краску и покрылась мокрыми разводами. Но ее изящные наличники и массивные двери скрашивают неприглядную картину запустения и напоминают о том, что дом знал лучшие времена. А сейчас рябь канала отражает только хмурые облака и окна третьего этажа.

По стеклу стекают бисеринки воды. А за окном беснуется Венецианский карнавал. Мелкий морозящий дождик тщетно пытается охладить пыл праздничной толпы. Только может ли мокрое неудобство испортить восторг от долгожданной масляной недели. Нестройное пение и гитарный перебор долетают в комнату, где спиной к окну сидит Старик. Треснуло полено, и сноп искр выхватил из полутьмы едва заметную улыбку.

– Странно, – подумал Старик, – почему-то мне достаются только дождливые карнавалы. – Он закутал озябшие плечи большим красным пледом. – Годы. Я стал замечать непогоду. И снова приехал в дождь. А там, на мостиках целуются влюбленные. – Ему не надо было выглядывать в окно, чтобы разглядеть, как молодые люди стоят, задрав головы, и ловят губами воду. Некоторые, особенно ловкие, умудряются подсчитать брызги разбившихся капель. И тогда, стоящие рядом, наперегонки начинают шумно целоваться. Сколько брызг – столько и поцелуев. Это веселое соревнование всегда заканчивается потасовкой, – оттого что горячие венецианские парни ни за какие блага не согласятся признать себя побежденными в этом сладостном турнире.

Старик взял молитвенник. Толстая книжица раскрылась на листе с засушенной ромашкой. Морщинистые пальцы бережно поднесли ее поближе к свету. Некоторые лепестки давно выпали. Через несколько страниц выглянул тюльпан. Он еще сохранил желтый огонь, опаливший его пунцовые лепестки. Но запах – тонкий и слабый – уберегла только роза. Когда-то она была алой, но со временем цвет поблек и утратил живое тепло. У нее был маленький изъясн – зеленый корявый листочек. Но седой человек знал: то, что для иных урон, для других – выигрыш. Именно поэтому мы помним милые чудачества и смешные недостатки дорогих нам людей.

В руки упал пожелтевший лист. Старик сосредоточенно повертел его, – на вид листику было лет сорок, никак ни меньше. Вероятнее всего, он когда-то принадлежал комнатному растению. Жилки натянулись, и обозначились резные края. Сама же плоть стала местами истончаться: скоро от листика, вероятно, останутся только прожилки.

– Ты рассыплешься в прах, и никто не вспомнит, какой ты был зеленый. – Не горюй, приятель, – Старик провел пальцем по темным каналцам, – я ведь тоже...

– Смотри, сейчас покажу!

Он крепко зажмурил глаза и оказался рядом с целующейся парочкой. Они стояли на простом горбатом мостике. От времени он весь облупился, а кое-где и обломался. Внизу плескалась мутная, пахнущая плесенью вода с плывущей мишурой. Два одинаковых дома смотрели друг на друга темными окнами и являли полное безразличие к любовникам. Да только тем никто и не был нужен.

Они совершенно не замечали, что их разноцветные плащи давно намокли и запачкались, а маски болтаются за спиной и имеют изрядно помятый вид. Щеки девушки пылали, а губы давно сделались малиновыми. Но кавалер и не замечал, что от его стараний уста дамы несколько припухли.

– Неделя, целая неделя свободы! Свободы от строгих правил, запретов! Время молодых безумств и любви, которая словно воздух, окутала Венецию! – Старик размахивал руками и кричал в серое небо. Но карнавал его не слышал. И влюбленные не прервали своего важного занятия. Никто, никто не видел и не слышал Старика. Он посмотрел на листок, лежащий на ладони, и закрыл глаза.

– Получилось, – снова рука погладила темный скелетик. – Наш путь в пространстве заканчивается, остается только уповать на путешествие во времени. – Старик бережно вынул засушенные растения из молитвенника и стал медленно опускать на угли камина. Вспыхивая ярким светом, памятные знаки на мгновение превращаются в живые, и тогда Старик слышит их голоса...

– Ах, какой прекрасный город Амстердам, – пропел зычным басом тюльпан, – Старик не ожидал такого мощного голоса от цветка и удивленно смотрел, как искры поднимаются вверх.

– Я была самой счастливой, – певуче произнесла роза с изъязном, – меня готов был съесть от избытка чувств кузнечик! – А теперь я твоя, огонь!

– Моя-я! – Огонь закружил розу в вихре горящей страсти.

– Красота – нетленна. Даже, когда пропадает обаяние молодости, истинная красота не боится увядания, если приносила радость другим. – Старик потер глаза. Он сделал вид, что упавшая ресница стала причиной невольной слезы. Но огонь тоже был старый. И ему показалось, что глупо стесняться сентиментальности. Сам он был бы только рад поплакать, – уж очень накопело у него на душе, – одно слово – пламя. Но такая уж участь у огня, – ему приходится гореть при любых обстоятельствах.

– Вот и все! – пропел высокий голос ромашки, – я давно ждала этого! – Наконец, мое сердце успокоится! Пожалуйста, не забудь жаворонка, он так звонко пел, – слабеющий голос ромашки затих во взметнувшихся всполохах, и, как ни прислушивался Старик, ничего больше не смог разобрать...

За окном пошел снег. Толстые пушистые снежинки падали на влажную набережную. Часть из них кружилась над водой. Эти снежинки думали, что им повезло, и основательно усаживались в темную воду, расправляя свои слюдяные кружева. Окно постепенно стало замерзать: сначала появились ледяные точки и линии, а потом стекло покрылось узорами из замороженных веточек и диковинных цветов.

Старик достал из кошелька монету с дырочкой и положил ее на угол кочерги. Кочергу подержал над огнем в камине. Потом осторожно взял монетку батистовым платочком и приложил к окну.

– Счастливая монетка, – пробормотал он, – потрудись, как в детстве.

Горячая денежка расплавила кружок. Старик протер платочком маленькое окошечко и приблизил к нему лицо. Он хотел посмотреть на толпу озябших, но веселых людей, а увидел безжизненное лицо красивой женщины. Она была совершенно белая, словно из снега. Ее колючий взгляд проник в самую душу, и ледяной холод сковал Старика.

– Иди ко мне, – властно позвала незнакомка, – я сделаю тебя счастливым. Ты сложишь из прозрачных льдинок слово "вечность", и станешь сам себе господином. А я подарю тебе весь свет и новые коньки -и-и...

Порыв ветра унес женщину, ставшую облаком, и Старик заметил рябь на мутной воде канала. Мимо проплывали маски, мишура и бумажные птицы. Около лодки, словно на рейде, замерла белая маска, она смотрела прямо на Старика. Он вздрогнул, перекрестился и отпрянул от окна, – в комнате было спокойнее. Во всяком случае не стоило опасаться странных взглядов. Кто знает, что на уме у этой маски. Бросили ее в воду, или она сама сбежала от хозяина, – бережного Бог бережет. Уж лучше быть от нее подальше. У камина тепло и надежно. Можно не зажигать свечей, и спокойно посмотреть на прошлое. Без торопливости, дневной суеты и посторонних подглядываний. Огонь, словно обрадовался этому и громко хрустнул сухими поленищами. Искорки веселой гурьбой устремились вверх к трубе, пощелкивая тоненькими головами...

Вот в пламени неожиданно возник оловянный солдатик. Ветер принес к нему бумажную балерину. Розовая фигурка тотчас же запылала. И, сгорая, превратилась в Мать. Она наклонилась к кровати маленького мальчика. Он раскинул ручки и что-то забормотал в бреду. Мать прикладывает к его лобик влажную тряпицу. Она плачет и крестится. Снова и снова начинает "Отче наш" и не может вспомнить слова молитвы.

А мальчик мечется в жару, и его окружают большие мыльные пузыри. Их оболочки переливаются всеми цветами радуги. Самый большой шар приблизился к Матери и с легким пшиком лопнул ей в лицо. От этого она быстро постарела и превратилась в Старуху: "Я довольна, сынок. Ты учись и ни о чем не думай. У меня все хорошо. В богадельне сытно кормят и топят в большие морозы." Красные, сморщенные от постоянной стирки, руки со вздувшимися венами теребят черную юбку.

По щеке Старика медленно ползут две слезинки.

– Мамочка моя. Гордая, заботливая. Ты никогда не унывала, а я... я даже не знаю, где твоя могилка... – Старик вздохнул и посмотрел на ладонь. – Давай прощаться, дружочек, – рука, помедлив, отдала огню последнюю реликвию. Листок молча вспыхнул. Самый маленький, он горел дольше всех. Но ничего не сказал. И уже в самый последний момент, когда горячая волна пробежала по сгорающим жилкам, он выпрямился...

– Можно мне сорвать листок на память? – Молодой человек показал на цветочный горшок.

– Вы хотите запомнить меня? – Кокетливо выдохнула пышная девушка с сонными глазами.

– От вас у меня останется билетик. Нет, этот листочек будет мне напоминать Венецию.

– Но ведь в Венеции нет деревьев! Как же можно напоминать то, чего нет? Купите лучше нашу керамику или стекло, – такого нет нигде. Или, на худой конец, подберите мишуру с маской, после карнавала они еще несколько недель будут валяться на улицах. – В глазах девушки было такое искреннее изумление, что молодому человеку, не осталось ничего, как объяснить свой поступок.

– Видите ли, – нервное лицо незнакомца порозовело от стеснительности, – я не слишком богат, чтобы купить ваше прекрасное стекло, а брошенная маска хранит чужую память. Этот листочек со временем засохнет. И тогда, глядя на его резную форму, я увижу необыкновенной красоты дворцы и дома на набережных, а эти линии, по которым сейчас бежит сок, помогут вспомнить каналы.

– С вонючей водой, – засмеялась красотка.

– А этого запоминать я не стану! – улыбка осветила глаза молодого человека. И девушка поняла, что она могла бы в него влюбиться, несмотря на бедную одежду, худобу длинного тела и некрасивое бледное лицо.

– Пожалуй, я сделаю это, – девушка притянула его к себе. – От Венеции, – плотно прошептал ее сочный рот. И сладкий долгий поцелуй оборвал дыхание молодого человека...

... Старик провел ногтем по своим губам, потом прижал их обеими руками и закрыл глаза...

– Стоит мне на секунду выпустить тебя из вида и вот оно! – Гневный коренастый парень готов был броситься на хватчика.

– Я... простите...

– Луиджи, – голос девушки был жарким. – Синьор – гость нашего города. У него даже нет денег на сувенир. Не будь скупым, – пусть у него останется мой поцелуй.

Луиджи смерил гостя недружелюбным взглядом и молча кивнул в знак согласия, хотя у него были явно иные представления о гостеприимстве.

– Не люблю я эти карнавалы, пора уже за дело приниматься, – проворчал он и припал к устам девушки, как страждущий в пустыне.

– Так я сорву его? – Робко подал голос молодой человек.

Синьорина попыталась показать глазами, что ей все равно, но кавалер знал толк в лобзаниях, – ресницы плотно сомкнулись, надолго спрятав любопытный зеленый свет. Молодой человек потоптался сконфужено, а потом воровато все-таки сорвал листок. Он хотел о чем-то спросить девушку, но вряд ли стоило дожидаться ответа, – скорее он доберется до места назначения, чем закончится этот последний карнавальная поцелуй. К тому же и ему перепало немного – самую малость. Но ему польстило, что судьба подарила такой сувенир.

Хмурое небо висело, словно рваная простыня, над померкшей предвечерней Венецией. Ветер яростно задувал и посвистывал в водосточных трубах. У городской заставы стоял почтовый дилижанс. Четверка лошадей лениво постукивала копытами по мостовой. Возница недобро поглядывал на небо, – хорошо было бы успеть до дождя. Ночью трудно ехать по такой погоде, но, если повезет, можно удрать от нее, и оставить дождь в Венеции. Этот коренастый толстый увалень считал себя почтенным человеком и очень любил, когда его называли возницей. Не кучер какой-то, который знай себе погоняет лошадей, а уважительно – Возница.

Дилижанс должен быть в порядке, ведь путь предстоял неблизкий. Надо проверить подпруги, внимательно осмотреть колеса. Возница задумчиво постучал палкой по ободу и долго прислушивался к глухому звуку. А потом удовлетворенно хмыкнул, дескать, все в порядке, – молодец, телега!

Закончив с колесами, он принялся проверять двери. Но двери занимают его много меньше, – ведь они имеют отношение к пассажирам. А пассажиры – это не по его части. Вот с колесами все должно быть в порядке, мало ли какие затруднения возможны в дороге, – иная лотерея так выпадет, что лишь резвые ноги лошадей да крепкие колеса смогут отъединить жизнь от смерти. И, хотя все в руках провидения, но и осторожность с предусмотрительностью никогда в лишние не бегают.

Надобно заметить, что для посадки пассажирам было затруднительно добираться. Каретам в Венеции ездить неудобно, а к окраине города вечером на гондоле добраться мудрено, – последняя застава находится далеко от каналов. Когда в путь собирались знакомые, Возница подавал дилижанс поближе к городским дорогам. Но сегодня поездка может и не состояться. С утра не было продано ни одного билета, и Возница уже готов был расстроиться, тем более, что прямо над головой висели тяжелые низкие тучи. А это значило только одно, – дождь готов разразиться в любую минуту.

– Кому веселье, а мне сплошные убытки.

Всю карнавальную неделю дилижанс на Верону не ходил. Не очень-то по распутице показаться. Только это не самая большая забота, – просто, желающих отправиться в Верону не было. В Венецию на карнавал съезжались любители жарких праздников. Город любил и денежки, и праздных их хозяев. Но гонять порожняком неюного возраста карету было жалко, потому и заработка на проводах зимы не предвиделось никакого. Все эти обстоятельства и застыли на лице Возницы суровой и безрадостной grimасой.

– Господа! Пора отправляться! Дилижанс Венеция-Верона отходит через пять минут! Поторапливайтесь! Я никого ждать не буду.

На зычный крик к дилижансу приближается неброско одетый путешественник с небольшим саквояжем. Ему около 28-30 лет. Он осторожно несет на себе поцелуй самого красивого города. Возница делает вид, что не замечает молодого человека. И впрямь, мало ли ходит разного люда у городских ворот. На нем ведь не написано, что он спешит к отправлению. Вот и нечего заранее радоваться. Путешественник должен знать свое место. Коли собрался ехать, то будь добр, прояви почтение.

Возница выпрямился, а молодой человек, сняв шляпу, поприветствовал его. Сразу видно – иностранец. Они всегда медленно и тщательно подбирают слова. Да еще и говорят тихо, – поди разберись, чего им нужно. Возница не любил иностранцев. С ними не поговоришь о ценах на масло и видах на урожай. Однако, уже один пассажир. Только бы он оказался не последним.

– Любезный синьор! Скажите, пожалуйста, когда мы приедем в Верону?

– Господин иностранец, я не любезный синьор.

– Извините, я, как всегда, что-то напутал. Господин нелюбезный синьор, когда ваша замечательная карета прибудет в прекрасный город Верону? Теперь правильно?

– Фу ты, – угрюмо буркнул Возница. – С этими иноземцами просто беда. – Где ваш багаж? Имейте в виду, места мало.

Молодой человек поднял свою дорожную сумку: "Вот мой саквояж".

– Да-а! – Нищий он что ли. Кто же ездит в чужой стране без дорожных сундуков. Одно слово – иностранец. – Вы билет купуали?

– Я купил билет у очень любезной девушки.

– Так что же вы мне голову морочите? Она вам должна была все разобъяснить.

– Видите ли, господин нелюбезный синьор, у нее был занят рот.

– Надо было подождать, пока она проглотит свой пирог и спросить.

– Я не мог.

– Все иностранцы такие торопыги... – Возница стал в позу, которая должна была означать наставление, – Понимать надо, человек не может без еды...

– Я испугался, что он ее съест.

– Пирог? Может, вы и правы. Если она будет столько есть – это добром не кончится!

– Что вы, что вы! Я... Вы меня не поняли. – Иностранец рассеянно потер висок, сообщая, как бы получше выйти из затруднительного положения. – Там был молодой человек. И он... как это... сделал набег на ее прелестные уста. Он был такой пылкий итальянец, такой нетерпеливый, что я уже приготовился ее защищать.

– Ах, Луиджи! – развеселился Возница – Что за негодник! Стоит мне собраться в рейс, как он тут как тут!

– Вы знаете этого молодого человека?

– Знаю ли я его? – толстые щеки задрожали от негодования. – Знаю ли я его! Да он целый год окучивает мою Маркелу.

– Окучивает? – Молодой человек удивленно уставился на Возницу. – Окучивать это – картошка?

– Картошка? А, нет! Ухлестывает, пристаёт, жениться хочет! Вот!

– Поздравляю! У вас очаровательная дочь!

Гордый Возница подбоченился. – Я старался. Да только вот втюхалась она в этого недотепа Луиджи. У него и несчастного чентезимо никогда нет. Знаете, как он говорит? Возница нахмурил лоб, как бы припоминая чужую глупость: "Кошелек покупают, чтобы хранить в нем много лир, а в кармане при этом позвякивает несколько чентезимо. Все слышат, как звенит мелочь, и видят оттопыренный карман. Но у меня карманы дырявые, значит, никто не услышит, что я иду по улице. А раз никто не услышит, то и никто не приставит нож к горлу, – жизнь или кошелек!" Вот как говорит этот недотепа Луиджи.

– Какой разумный молодой человек! – восхитился иностранец.

– Вы находите? – не поверил Возница.

– Конечно. Нельзя же потерять то, чего нет. Очень разумный и обстоятельный. Да и дочь ваша, по-моему, не стала бы жаловать всяких там грабителей.

– Еще как не жалуется! – Возница прислонился к дилижансу и приготовился к долгому повествованию. – Тут по осени к ней ворвались двое грабителей в масках.

– Что же это делается в благословенной Венеции, – всплеснул руками молодой человек.

– В благословенной Венеции еще и не такое делается, – укоризненно заметил Возница. – Особенно летом. Вот уж когда...

– А как же ваша дочь? – Нетерпеливо перебил его иностранец.

– Ах, да. Ворвались они, и ну кричать, деньги требовать, ножичками своими размахивать. А доченька моя ненаглядная рот вытерла, – вы же видели, она все время что-то жуёт, – и перцем им в глаза! А когда составляли протокол, она потребовала, чтобы ей возместили обед, – ведь пришлось сильно потратиться на приправу. Каково? – Довольный собой, Возница утер взмокший от напряженных воспоминаний лоб.

– Чего не сделаешь от страха! – Собеседник еле успел спрятать улыбку.

– Так вы думаете, что она этих грабителей испугалась? – захлебываясь смехом, выдал из себя Возница.

– Она же молоденькая девушка!

– Вы ее видели в полный рост?

– Нет, я покупал билет, а она сидела на стуле, и даже не шелохнулась, когда на ней повис молодой человек. Ваш Луиджи.

– И совсем он не мой, – обиделся Возница, – Он – прачкин. А, если вы на что намекаете, так это зря. Я на нее даже и не смотрел никогда. А ту оплеуху, которая меня в канал свалила, она мне отвесила по ошибке, – просто я мимо шел и ей под руку подвернулся. Так дело и было. – Возница потер вспотевшими ладонями по штанам и продолжал ворчливым тоном. – Если вам напели что про меня, – это все пустое. Не слушайте. Вот уже 20 лет, как мое ремесло покоя завистникам не дает. Мы с женой дружно живем. А, когда она меня поколачивает, так-то

любя, – игры у нас такие. То я ее, то она – меня. С молодости еще повелось. Ежели ей захотелось приласкать от души, – потом у аптекаря доход на неделю обеспечен. И дочка вся в нее.

– Очень милая девушка, – только и смог сказать молодой человек.

– Я Маркелу в дверь пропихиваю. – Восхищение так и рвалось наружу. Наверное, Возница это знал, – потому сильно затягивался широким сыромятным ремнем. – Ей самой не влезть. А на рождество она может одним кулаком кабанчика уложить.

– Тем грабителям, можно сказать, повезло.

– Не то слово! Когда она поднялась со стула, они заикаться стали!

– Луиджи не просто смелый человек! У него еще и отменный вкус.

– Вы не шутите? – Возница не сильно жаловал насмешников.

– Шутили грабители.

– Нет, вы скажите. Вы, правда, так думаете? – Толстяк наступал. Сзади была лужа, и молодой человек совсем не хотел промочить башмаки. Они, к слову, и так были худые, а путь предстоял дальний: "Чтоб мне никогда не уехать из Венеции! – патетическая клятва спасла лужу от вторжения.

– Прошу вас садиться. – Возница услужливо засуетился. – Тут восемь сидений, вот здесь – удобные. А это место самое лучшее. Сюда и навоз не долетит, и дуть не будет. Сам я, знаете ли, сквозняков опасаюсь, годы уже.

– У вас прекрасный вид. Я заметил, итальянцы, вообще, очень молодо выглядят. – Путешественника приятно удивила забота постороннего человека. Он всегда восторженно откликнулся на добрые проявления. Любая малость могла тронуть его впечатлительное сердце.

– Приметливый вы народ – иностранцы. Прошу вас, не зовите меня больше нелюбезным синьором.

– Хорошо, – улыбка меняла бледное лицо, оно сразу становилось обаятельным, – любезный синьор Возница.

Возница даже крикнул от удовольствия. – А в Верону мы прибудем поутру, если Бог даст, и ночью не будет приключений.

– Какие же могут с нами приключения случиться?

– Дилижанс – он, конечно, не карман с чинтезимо, однако, тархтит сильно на дороге.

– Можно рессоры маслом смазать.

– Масло только скрип лечит, а грохот от кареты ночью далеко слышен, – Возница опасно оглянулся, – Вот тут под сиденьем мушкет. Он, конечно, ржавый весь, по при луне впечатляет.

– Я не подведу, можете не сомневаться, – Поэт произнес это, как настоящий заговорщик, – шепотом и почти не раскрывая рта.

– Я все-таки свечку поставил. И вы Богу своему помолитесь!

– У нас один Бог!

– Тогда – с Богом! Синьоры! Синьоры! Рассаживайтесь! Занимайте свои места! Потопрапливайтесь, синьоры! Ночной дилижанс Венеция-Верона отправляется!

На громкий голос Возницы с разных сторон к дилижансу спешают трое. Невысокий 40-летний мужчина придерживает от ветра шляпу и старается обходить лужи. Молодой человек попробовал определить род его занятий. Но ни одежда, ни возраст, ни весь облик этого человека не подбросили ни малейшего намека на что-то существенное.

Он с трудом поспевал за Старухой и мальчиком. Молодой человек подумал, что это семья. Но Старуха несла тяжелую поклажу одна и покрикивала на мальчика. Они явно находились в родственных отношениях. У обоих были круглые лица и оттопыренные нижние губы. Располневшую фигуру пожилой женщины прикрывал шерстяной плащ. Ветер поднимал его полы, а Старуха сердито их поправляла. Она выглядела усталой и затурканной.

Темное одеяние не позволяло разобрать, было ли оно просто черным или серым пополам с коричневым. После ярких красок карнавала – вид был очень простоватый. Но иностранец подумал об этом так, вскользь, – его собственная одежда тоже мало напоминала праздничное облачение.

Но больше всего его поразило то, как эта женщина несла свою ношу – две большие корзины. Она подтаскивала их поочередно короткими пробежками. Щеки ее раздувались, как настоящие меха. Молодой человек так засмотрелся на эту картину, что увидел вместо женщины что-то вроде паровоза с вагоном. Он уже покатался на таких в Германии, – занятное изобретение и полезное. Только он собрался сказать, что к корзинам надо бы приделать колеса, как над ухом оглушительно закричали.

– Вы, господин хороший, позже подошли. Значит, мне первой место выбирать. – Старуха старалась оттеснить от дилижанса человека в шляпе.

– Ну, так выбирайте, – миролюбиво ответил тот.

– Как же мне выбрать? Я не знаю, какие места хорошие, а какие плохие, – растерялась Старуха.

– На любые садитесь, потом разберемся.

– Как же мы потом будем разбираться, если я на плохом окажусь, а вы на хорошем. – Она не знала, как поступить в такой ситуации, но явно не хотела быстро соглашаться.

– Я вам уступлю.

– Это вы сейчас так говорите. – Молодому человеку была знакома склочная натура подобных женщин. Они могли быть добрыми, но пока добьешься хоть какой-нибудь определенности, невольно руки потянутся к шее. – А потом и думать забудете.

– Садитесь вы побыстрее, а то без вас уеду! – У Возницы кончилось терпение, и он, стуча сапогами, полез наверх.

– Что же это творится, – не унималась Старуха.

Иностранец не выдержал и встал. – Садитесь на мое место. Возница сказал, что оно самое лучшее. – Старуха оценивающе поглядела внутрь экипажа. Цепкий взгляд ее отметил сразу все: дырявую обивку, жирные потеки от масла на лампе, обтрепанные сиденья и плохие замки дверей. А мутные от грязи стекла и потрескавшаяся краска и так бросались в глаза.

Пока она осматривала внутренности, внук, набегавшись вокруг дилижанса, был увлечен иными заботами. Мальчишка стал пристраиваться к колесам, воображая, что они – корабельные. Его не смущали ни лужи, ни грязь. Он запачкал руки, когда держался за спицы, – ни дать, ни взять, – заправский пират.

– Кучер, а где подушечки? – Старуха видела, что никаких подушечек нет, но из вредности не могла остановиться. – На сиденьях должны быть подушечки.

– Перо намокло, – Вознице захотелось запихнуть ее поскорее и стегануть лошадей, – небо не предвещало ничего хорошего.

– Так надо было высушить вовремя, – не унималась она.

– Вас никто не заставляет, – начал было человек в шляпе...

– А вы не перебивайте. Я не с вами разговариваю.

– Пусть только солнце покажется, я и двери покрашу, – пообещал беспокойной пассажирке Возница.

– Вот и все, что я хотела узнать. – И Возница, и Старуха знали, что ничего не изменится. Важно отметить неполадки, исправлять их совсем не требовалось. Но ведь нельзя же сесть просто так, и ни на что не посетовать.

Молодой человек уже не слышал никого. К дилижансу приближалась молодая женщина. Даже издали было видно, что она дама благородная и изысканная. Закрытое дорожное платье подчеркивало тонкую фигуру, вуаль на шляпке скрывала лицо. Но пылкое воображение для того и существует, чтобы за закрытой вуалью представить три или четыре разных лица.

Ему больше понравилась бы жгучая брюнетка с голубыми глазами, – поскольку в природе таковой быть не могло. Но он был уверен, что природа хороша в чистом виде. Женщина – совершенное творение. И воображение молодого человека ставило ее выше самой природы, иными словами, женщина имела право не считаться с ее законами.

Молодой человек, как можно догадаться, был Поэтом. Он считал себя великим, но с ним, пока, никто не соглашался. От этого он смущался и безмерно страдал. Но его нежное сердце прощало людям их несовершенства и надеялось на скорое понимание и признание. Талантам свойственно заблуждаться на свой счет. Им представляется, что от их поэзии в мире становится светлее. Но простому обывателю и дела нет до подобного рода заблуждений.

– Я не ошиблась, этот дилижанс отправляется в Верону? – у незнакомки оказался низкий грудной голос.

– Садитесь, синьора, да я трогаю.

– Проходите, любезная, я вам помогу, – человек в шляпе галантно подал синьоре руку.

– Благодарю вас. – Напротив Поэта зашуршал шелк с тонким цветочным запахом. – Добрый вечер, уважаемый.

– Добрый вечер, – Поэт не ожидал приветствия и сильно смутился.

– Ну, вот, пока я выбирала, – заворчала снаружи Старуха, – все лучшее уже заняли.

Поэт и молодая синьора встали и предложили женщине свои места.

– Да садитесь, вы уже всем надоели, – Возница сдерживался из последних сил.

– А ты, пентюх, мужлан деревенский, не смей на меня кричать, а то я синьору судье пожалуюсь, он тебя за все вздует!

– О, Мать божья, – простонал мужчина в шляпе, – мы никогда отсюда не уедем.

– Нечего! Нечего меня поторапливать. Я законы знаю.

– Именем свободной венецианской республики, заклинаю вас, садитесь, пожалуйста, у меня кони застоялись! – Простонал Возница.

– Вот ведь можете, когда захотите. Мне теперь удобнее. Я сяду около синьоры, а вы – рядом с этим господином.

– Очень вам признателен.

Мужчина в шляпе подал Старухе руку, но та только повисла на ней, и тогда он подхватил ее за талию и впихнул в карету. Старуха хотела было его отчитать за подобную вольность, но только кивнула головой. Видимо, решила, что вела себя достаточно важно и всех поставила по местам, – пора и самой успокоиться. Мужчина тем временем втаскивал в дилижанс ее корзины. Потом сел рядом с Поэтом и оттер платком вспотевшее лицо.

– Эх, родимые мои, не подведите! – Возница залихватски щелкнул кнутом.

От толчка Старуха повалилась на Поэта и заорала: "Ой, стойте, внучок! Внучок! Где ты, хулиган, горе мое луковое!"

К дилижансу подбежал замызганный мальчонка и, вытирая руки о штаны, зататорил: "Простите меня, синьор Возничий. У вас такая красивая карета! А колеса у нее, как на настоящем корабле!"

– Ты пока садись, малец, а потом я тебе дам кнут подержать.

– А вы меня не обманете! – Глаза мальчишки выросли в большую сливу.

– Чтоб мне никогда из Венеции не уехать! – Возничий подмигнул Поэту и зычно хохотнул.

– Бабушка, ты мне позволишь?

– Что с тобой поделаешь, как отец, к любому подлижешься. Садись уже.

Внучок втиснулся рядом со Старухой. И Возница, уже не сдерживаясь, стеганул по крутым лошадиным бокам. Задребезжали рессоры. Громкий перестук кованых подков и покачивание кареты возвестили о начале пути.

Мелкие камешки вылетают из-под копыт, а от колес отскакивают комки дорожной грязи и плюхаются в лужи на обочине. Так испуганные жабы выскакивают из травы, когда к ним приближаются неугомонные дети. И сидят, выпучив глаза из жижи с потревоженной ряской. А потом грузно шмякаются обратно в спасительную высокую траву. Поэт с грустью посмотрел на удаляющийся город и улыбнулся каким-то своим мыслям.

Старуха запыхтела от натуги и принялась бестолково распихивать свои корзины. Пассажирам ничего не оставалось, как примириться с подобными неудобствами, – они уже в пути. Неспешно Старуха стала рассказывать о непривычно большом урожае яблок, а человек в шляпе попытался церемонно отрекомендоваться молодой синьоре. Но вышло смешно: он размахивал шляпой и разводил руками. От этих нелепых в дилижансе движений случился небольшой переполох ко всеобщему удовольствию: рука хозяина шляпы застряла в дверной щели, а сама шляпа несколько раз норовила испить масла из масленки.

Генрих, – так зовут повелителя учиненных безобразий, – пытается сгладить свое поведение, но ничего хорошего у него из этого не получается: рука еще глубже погружается в тухлятую обивку двери. И молодая женщина, которая просто и без всяких церемоний представилась синьорой Еленой, вынуждена вызволять из плена его пальцы. Генрих, растирая руку, признался, что он всегда попадает в подобные переделки. А ему необходимо беречь руки, ведь он – церковный органист.

Поэт слышит разговоры пассажиров так, как обычно слышит любые разговоры, которые не имеют к нему никакого отношения, – они то наплывают, то отдаляются, давая возможность думать о своем. Он жадно всматривается в пыльное стекло дилижанса.

По обеим сторонам дороги высокие кипарисы постепенно становятся снежными воинами с огромными пиками. Облака очень похожи на разные вывески. Вывеска сапожника наплывает на вывеску мясника. Большой крендель разворачивается, вытягиваясь на невероятную длину, и становится аптекарской змеей, которая отворачивается от чаши и норовит залить землю своим ядом.

Как-то сразу стало темно, и вдруг упала звезда. Это так непривычно, ведь известно, что звезды падают в конце лета или ранней осенью. И, тем не менее, еще две звезды стремительно полетели вниз.

Поэт еле успел догнать ту, что была поменьше, и очень удивился, когда вместо звезды увидел кусочек разбитого зеркала. Когда осколок оказался близко, он заметил, что в нем отражается злобная рожица вредного Тролля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.